

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

**ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы**

Walter Hartfeld

**LES GUERRIERAS
SOLITAIRES**

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Вальтер Хартфельд

ОДИНОКИЕ ВОИНЫ

**СПЕЦПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ВЕРМАХТА
ПРОТИВ ПАРТИЗАН**

1942—1943

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94(430).086
ББК 63.3(0)62
Х22

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «За линией фронта. Мемуары»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Хартфельд Вальтер
Х22 Одинокие воины. Спецподразделения вермахта
против партизан. 1942—1943 / Пер. с фр. Л.А. Иго-
ревского. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2013. — 191 с. —
(За линией фронта. Мемуары).

ISBN 978-5-521-85640-4

В книге рассказывается об одном из подразделений охотников-егерей (коммандос), созданном вермахтом для борьбы с партизанами и заброшенном в район белорусских лесов. В длительной и беспощадной борьбе у каждого члена группы было свое боевое задание, в результате развернутая антипартизанская война становилась схваткой человека с человеком. В. Хартфельд, командовавший в двадцатипятилетнем возрасте егерским подразделением, — один из немногих оставшихся в живых после этих невероятных боев, и его воспоминания — превосходное свидетельство всей нелепости войны.

УДК 94(430).086
ББК 63.3(0)62

© Перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2013
© Художественное
оформление серии, ЗАО
«Центрполиграф», 2013

ISBN 978-5-521-85640-4

Война является актом насилия,
но она не ограничивается прояв-
лением такого насилия.

*Карл фон Клаузевиц.
Из сочинения «Война». Книга I*

Глава 1

ЭПИЗОД С ТАНКОМ

В пять часов пополудни танкисты увидели селе-
ние. Оно притулилось в излучине речки, крыши бес-
порядочно стоящих домов окрасились красноватым
светом.

Унтер-офицер Шредер отдал приказ замедлить ход,
а головному экипажу быть в готовности к бою. Слиш-
ком много безлюдных и сгоревших деревень, слишком
много на вид безобидных хуторов оказывались взры-
воопасными для стальных гусениц танков, когда раз-
ведывательный взвод двигался по заброшенным, как
казалось, улицам русских селений.

Башня танка задраена. Лучше духота, чем эта въед-
ливая пыль, которая разъедает глаза.

Внутри танка люди стали расслабляться. Из всего
экипажа, казалось, беспокоился один Курт Рейнхардт.
Двигатель вдруг заработал с перебоями и затем заглох.
Вслед за наступившей тишиной послышалась брань.
Юрген Эссен вытирал вспотевшее лицо, в то время
как Большой Мартин кричал Шредеру:

— Эй, ты откроешь, наконец, люк!

Шредер открыл верхний люк башни, высунулся
наружу и быстро закурил сигарету. Его первая затяж-
ка оказалась трагичной. Он так и не познал вкуса
второй затяжки, потому что раздалась пулеметная
очередь. Не завершив перекур, Шредер медленно

опустился вниз. Юрген снизу увидел сержанта в необычной позе и кровавое пятно на его комбинезоне. Он вскрикнул, схватил Шредера за ноги, и обмякшее тело убитого соскользнуло внутрь танка.

Далее все происходило очень быстро. Пушку, спаренную с пулеметом, навели наугад на восточную окраину деревни. Пулемет открыл огонь.

В это время возле остановившегося танка начали движение танк лейтенанта Штюмме и мотоциклисты сопровождения. Увидев вспышки огня пулемета, двадцать мотоциклистов, как на учениях, прыгнули в свои машины и помчались вниз по центральной улице деревни.

Клаус Штюмме прокричал по радиосвязи:

— Откуда стреляли?

— С востока... В девять часов... Шредер убит...

— Одной очередью?

— Да.

Клаус Штюмме быстро отдал приказы.

Больше ничего не происходило. Под солнечными лучами деревня казалась позолоченной. Скверная дорога вилась по пересеченной местности и терялась в лесу. Взгляд задержался на компактной группе низеньких домиков, а к востоку — на колодце в тени огромного дерева.

Через несколько минут подъехал другой танк, чтобы взять на буксир застрявший, и взвод достиг деревни.

По прибытии Клауса Штюмме встретил полковник Брандт, который находился, по обыкновению, в танковом взводе, шедшем в авангарде. Невысокий и толстый, он выглядел в черной куртке танкиста довольно смешно, а потерявшая фуражка придавала ему вид доброго бургера.

— Лейтенант Штюмме, — отрапортовал Клаус. — Жду ваших приказаний, господин полковник.

— Что случилось?

— Я обнаружил на дороге танк Шредера с заглушим двигателем, его тянули на буксире к деревне. Шредер убит... Одной-единственной очередью.

— Возьмите десять человек и осмотрите место.

Штюмме направился к ожидавшим его мотоциклистам, моторы их машин работали на холостом ходу. Он быстро отобрал солдат и собрался уйти, когда два танкиста попросили у него разрешения сопровождать патруль. Клаус Штюмме пожал плечами. Легче найти замену пехотинцу, пусть даже на мотоцикле, чем экипажу танка. Если смерть для всех солдат одинакова, то приказ требует ее конкретизации. Как на войне: выбор в первую или вторую очередь. Но в конце концов необходимо, чтобы время от времени проблемы личного состава решала война.

Деревня, не тронутая войной, казалась полностью безлюдной. Солдаты осторожно ступали вдоль стен, соблюдая дистанцию в десять шагов один от другого. Они взяли за ориентир колодец у дерева и принялись обыскивать дом за домом с оружием наперевес. Именно Большой Мартин обнаружил единственный дом с обитателями. В дальней от колодца избе проживали древняя старуха и двое детей. Сидя на полу, старуха раскачивалась и плакала. В большой продолговатой корзине стонала под грязной мешковиной маленькая девочка. Ее глаза были закрыты, лицо с нездоровым румянцем. Мальчик, рядом с которым стояло ведро воды, закрывал ее лицо грязной тряпкой. Обстановка в избе угнетала. По знаку Мартина в избу вошли Штюмме и другие танкисты.

— Только этого и не хватало. — Юрген Эссен снял черную пилотку и подошел к детям. Мальчик хотел было отшатнуться, но затем протянул солдату влажную руку.

Клаус, обеспокоенный состоянием девочки, расспрашивал старуху.

— Да, да, — отвечала старуха, — очень больна, сильная лихорадка.

— Пойдем, здесь ни черта нет... пойдем, Мартин, посмотрим, сможет ли что-нибудь сделать врач.

Штюмме остановился на пороге в ожидании, пока его люди медленно возвращались к избе. Один солдат подошел к колодцу зачерпнуть воду и стал пить в окружении своих товарищей.

Прожаживаясь, Клаус Штюмме натолкнулся на Большого Мартина и лейтенанта медицинской службы Гюнтера Грабера, которые шли к избе. Он присоединился к ним.

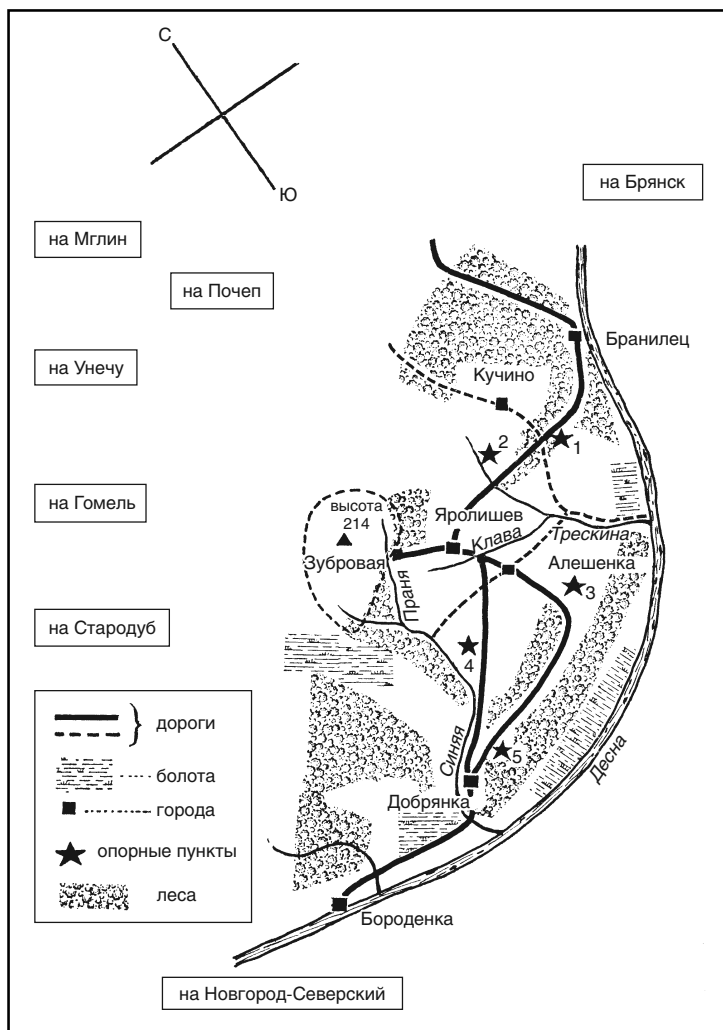
Клаус вошел первым. Он остановился на несколько мгновений, чтобы привыкнуть к темноте, поскольку день был короток, а маленькие окна пропускали лишь немного света. Ему пришлось быстро признать очевидное: изба была пуста. Осталась только корзина, в которой раньше лежал ребенок. Мартин вытаращил глаза:

— Черт возьми... Дурацкий фокус... Нет ни старухи, ни малышни.

В недоумении он внимательно осмотрел пол и энергично пнул корзину ногой. Сразу же показалась крышка погреба. Он нагнулся, потянул за кольцо в крышке, открыл ее и склонился над спуском в погреб. Штюмме осветил тесный подвал. В углу плесневели несколько залежалых морковин. На полу валялись пустой магазин от ручного пулемета и шапка с красной звездой. Виднелось несколько пятен крови.

Теперь искать было бесполезно. Старуха, дети и солдат могли убежать за это время десять раз. Штюмме ругал себя за то, что не поставил часового, и надеялся, что взвод охраны на опушке леса, возможно, заметит и схватит беглецов. Вся тройка вернулась на КП.

Когда Клаус рапортовал, полковник Брандт слушал его, не задавая вопросов. И понятно почему. Ничего нового в этом трюке с детьми не было. Он спросил себя, могли бы его собственные дети поступить так же, и решил, что не могли.

Вечером Клаус Штюмме присоединился к унтерштурмфюреру (лейтенанту СС) Хайнцу Просту, чей пехотный полк сопровождали бронемшины. Офицер СС сказал ему, что в оккупированных деревнях уже собрано, иногда по мелким кусочкам, около два-

дцати трупов солдат. Они погибли в результате одиночных нападений — в одном из них был убит Шредер — или подорвались на минах. Одно взрывное устройство в виде аптечки унесло жизни двух медсестер. Заминированный ворот колодца отправил одного унтер-офицера в госпиталь, а трех солдат — в могилу.

Именно во время этого разговора Хайнц Прост впервые произнес слово «партизан». И они, двое, инстинктивно почувствовали, как у них на глазах война становилась другой. Если и существовали селения, где крестьяне предлагали цветы и свежую воду, то было гораздо больше безлюдных и враждебных деревень, неизвестно куда ведущих дорог, где на немцев неожиданно обрушивался огонь советского оружия. Противник прятался в лесах, болотах, растворялся в городских толпах. Для Клауса Штюмме две войны, два способа боя накладывались друг на друга, и он кожей чувствовал нависшую над ними всеми угрозу. Хайнц Прост, методичный, озабоченный прежде всего достижением главной цели войны, Москвы, с беспокойством наблюдал, как температура воздуха падала на несколько градусов каждый день.

На следующее утро, когда отряд приготовился к дальнейшему маршу, выяснилось, что часового на опушке леса зарезали. С него, когда он уже ничего не слышал и не видел, сняли сапоги. Труп лежал в двадцати метрах от опорного пункта, весь в крови, на спине, с раскинутыми руками.

Унтерштурмфюрер вычеркнул еще одно имя из списка личного состава и записал напротив: погиб в бою у деревни Воржны.

На выходе из деревни Хайнц Прост увидел указатель с надписью: «Берлин 1052 километра». Он сердито передернул плечами.

Две группы разошлись в Севске. Следующей ночью русские диверсанты подожгли один из складов горю-